

С. В. Шкунаев Германские племена и союзы племён

«История Европы. Т. 1. Древняя Европа. – М.: Наука, 1988. Глава 15: Племенной мир Европы до эпохи поздней империи.»; Наука; Москва; 1988

С.В. Шкунаев Германские племена и союзы племён

Проблема происхождения германских племён чрезвычайно сложна. Их ранняя история ещё менее ясна, чем история их соседей – кельтов. Дело прежде всего в том, что германцы намного позже кельтов попали в поле зрения античной письменной традиции, и, следовательно, у нас гораздо меньше возможностей увязать археологический материал с более или менее достоверными сообщениями древних авторов.

Если кельтские племена уже в V в. до н. э. обратили на себя внимание греков, то подробные описания германцев появились лишь через несколько столетий. Правда, в IV в. Пифей (его сведениями во II-I вв. пользовались Посидоний, Полибий и другие авторы) отмечал, что во время своего путешествия столкнулся на юго-восточном побережье Северного моря с племенем тевтонов, но этим, собственно, вся информация и исчерпывается; о более раннем времени и других районах германского мира письменные источники не сообщают ничего. Таким образом, для данного периода единственным источником становится археология.

Чем ближе к рубежу нашей эры, тем более полными и компетентными источниками мы располагаем. Грозное нашествие кимбров и тевтонов (114–101 гг.), встревожившее саму Италию, отразилось в сочинениях Посидония, Тита Ливия и других авторов. Однако лишь в I в. до н. э. появляются сочинения, авторы которых непосредственно знакомы с жизнью германских племён. Юлий Цезарь, сражавшийся в Галлии против свева Ариовиста, совершил затем походы за Рейн (ставший потом границей империи) и включил в свои «Записки» ряд сведений о быте и культуре германских племён. Достаточно надёжной информацией пользовался греческий географ Страбон, а также – во II в. н. э. – Птолемей, располагавший важными и не дошедшими до нашего времени источниками. Среди них – обширное описание германских войн I в. н. э., принадлежащее Плинию Старшему. В конце 40-х годов I в. н. э. Плиний служил в войсках, расположенных вдоль германской границы, и лично принимал участие в походах против племён хавков и фризов. Рассказ об этих событиях сохранился лишь в извлечениях более поздних латинских авторов, однако «Естественная история» Плиния также включает немало сведений о германцах, особенно ценных благодаря хорошей осведомлённости автора.

Не меньшее значение имеет посвящённое Германии сочинение Тацита (конец I в. н. э.). Тацит не был в германских землях, но имел возможность пользоваться рядом важных письменных источников, а также многое почерпнул из рассказов посещавших эти края торговцев и военных. Повествование Тацита не столь объективно: оно содержит немало выпадов против разлагающейся римской аристократии, которой противопоставляются германцы с их якобы чистыми и неиспорченными нравами. Тем не менее приводимые Тацитом конкретные факты, по общему мнению, вполне достоверны – из них выстраивается цельная картина расселения германских племён, их обычаев и культуры.

Как же соотносили античные авторы германцев с другими, известными с более раннего времени народами, в частности с кельтами? Этноним «германцы» (этимология его пока ещё остаётся неясной) впервые встречается в начале I в. до н. э. у Посидония. Его употребляет Фронтин, говоря о восстании рабов в 72 г. до н. э. Из более поздних употреблений этого этнонима (Цезарь, Саллюстий) можно заключить, что он в большинстве случаев соответствовал греческому *Keltoi* в отличие от *Galatai*, иными словами, обозначал племена, селившиеся за Рейном ближе к районам Эльбы, причём не вполне чётко отграничивал их от левобережных, преимущественно кельтских, народов. И это не случайно. Уже первое столкновение Цезаря с войсками Ариовиста показало, что этнический состав подвластных последнему народов весьма

сложен. *Rex Germanorum* (титул, данный Ариовисту сенатом в 59 г. до н. э.) выступает не только во главе свевов и гарудов, но и в союзе с секванами, а также некоторыми племенами, бывшими ранее в зависимости от эдуев. Через некоторое время Цезарь сталкивается с вторжением в Галлию племён узипетов и тенктеров, которые под давлением свевов желали занять принадлежащие левобережным менапиям земли. Цезарь даёт понять, что эти племена могли быть мирно приглашены на левобережные территории, тем не менее, поскольку пришли они с правого берега Рейна, он не может называть их иначе, как германцами.

Более поздние римские авторы, в частности Тацит, тоже колебались, когда речь шла о прирейнских народах, и отдавали себе отчёт в том, что этноним «германцы» сравнительно недавнего происхождения. Тацит прямо пишет о том, что германцами поначалу называлось лишь небольшое племя и лишь «недавно» стали обозначать целый конгломерат народов.

Смешение представлений о кельтах и германцах видно и на примере обитавших на северо-востоке Галлии племён белгов. Цезарь сообщает в «Записках», что они с гордостью называли себя потомками германцев, и в то же время приводит слова некоего Амбиорикса (V, 27), который, оправдываясь в своём участии в антиримских действиях, говорит, что галлам трудно отказать другим галлам, когда речь идёт об общей свободе. Эти и ряд других моментов заставляли многих исследователей прийти к выводу, что этноним «германцы» явно кельтского происхождения и первоначально принадлежал какому-то прирейнскому кельтскому племени. Лишь потом, по их мнению, галлы стали называть так всех своих соседей с правого берега Рейна, этническую близость к которым они прекрасно осознавали. Подобные соображения вовсе не безосновательны, однако, безусловно, неверно отрицать за германцами этого и более раннего времени какую-либо этническую самостоятельность вообще. Подобный подход, по сути дела, является абсолютизацией исторически понятного взгляда некоторых античных авторов.

В работах, где говорится о проникновении римлян в прирейнские области, стало общим местом утверждение, что проведённая по Рейну (а затем по лимесу – укреплённой полосе, тянувшейся от Кёльна почти до Регенсбурга) граница между галлами и германцами является совершенно искусственной. В доказательство приводились высказывания самих римлян. Это утверждение верно только отчасти, и проверить его можно, лишь опираясь на данные лингвистики и археологии.

Прежде всего, следует напомнить, что районы Южной Германии между Рейном и Дунаем были весьма вероятной прародиной кельтских народов, многие из которых продолжали занимать эту территорию и в значительно более позднее время. Анализ топонимов показывает, что названия кельтского происхождения составляют абсолютное большинство из тех, что зарегистрированы на огромной территории, которая в форме неправильного треугольника простирается от современного Кёльна до Богемии, получившей название от кельтского племени бойев. Граница кельтского ареала проходит где-то по району Тюрингии. Неудивительно, что когда на эти исконно кельтские области стали проникать первые германские племена, с некоторыми из которых столкнулись потом римляне, то взаимовлияния между кельтами и германцами имели место в самых разных сферах культуры, языка и обычаев. Кроме того, как это часто бывало в древности, легко могли составляться временные военные союзы из представителей разных этносов. Всё это не могло не вводить в заблуждение античных писателей.

Археологические материалы, отражающие более далёкое прошлое, дают возможность увидеть, было ли такое положение характерно для дописьменной древности. Границы археологических культур позволяют выявить водораздел между разными типами памятников (для эпохи конца гальштатта), проходящий примерно по долине реки Зале. Определяющим признаком является здесь погребальный обряд: к западу и юго-западу от этой условной границы преобладают могильники с трупоположением, к северо-востоку – с трупосожжением. В начале латенского времени, когда характер кельтской материальной культуры был уже резко очерчен, можно проследить распространение ряда вещей в направлении с запада на восток. Чем дальше в этом направлении, тем количество кельтских вещей в могильниках становится всё меньше и тем заметнее изменяется характер местной культуры: керамика становится всё более грубой, всё чаще она выполнена без применения гончарного круга. Средиземноморский импорт

постепенно практически исчезает, но зато появляются новые типы вещей, нехарактерные для латенской культуры. Это особенно заметно в нижнем течении Рейна, начиная от района Кёльна, где на правобережье памятники латенской культуры чрезвычайно редки. Зато эта область является крайней границей распространения мечей особого типа, характерных для тех областей, которые римляне позже называли *Germania Magna*.

В конце латенского времени появляется ещё один совершенно чёткий признак, позволяющий подтвердить упомянутую границу, – распространение оппидумов, во всех случаях принадлежавших кельтскому населению. Зона оппидумов почти совпадает и с зоной распространения кельтских монет. Таким образом, можно утверждать, что область вызревания и распространения латенской культуры была достаточно явно отграничена от районов Северной Европы – прародины германцев.

К какому времени относятся этногенез и формирование диалектальной общности германских племён? Ответить на этот вопрос, опираясь на данные одной археологии, затруднительно. Как представляется ныне наиболее вероятным, сложение прагерманского этнического и языкового субстрата (восходящего к индоевропейской общности) можно отнести к периоду около 1000 г. до н. э. В его сложении на севере Европы принимали участие культура курганных погребений и перекрывшая её затем культура полей погребальных урн. По мнению большинства учёных, к VIII-VI вв. образование германской этнической и языковой группы было завершено. Первой археологической культурой, достаточно надёжно связываемой с германскими племенами, считается ясторфская, начало которой относят приблизительно к 750 г. до н. э.

Проследить историю германских племён, начиная с этого времени, практически невозможно. Приходится опираться на сведения Цезаря, Плиния и Тацита, лишь предположительно восстанавливая более раннюю историю некоторых племён и племенных объединений, но при этом нельзя забывать, что германские племена не оставались постоянно такими же, какими были в глубокой древности.

Германские племена принято делить на три основные группы: северогерманские, западногерманские и восточногерманские. Этим группам соответствуют основные диалектные ареалы германских языков. Западногерманское объединение племён, в свою очередь, делится на три группы, названия которых приводятся у Плиния и Тацита: истевоны, ингвеоны и эрминоны. Первые обитали в районах Рейна и Везера, вторые – у североморского побережья и третьи – у Эльбы. Среди эрминонов Плиний (IV, 99) перечисляет свевов, эрмундунов, хаттов, херусков, а среди ингвеонов названы кимвры, тевтоны и хавки.

Кроме этих трёх групп западных германцев, Плиний выделяет вандалов (т. е. восточных германцев), перечисляя здесь бургундионов, варинов, харинов и гутонов, а также пятую группу – пеукинов и бастарнов. Германское происхождение последних, правда, не доказано и сегодня, но, во всяком случае, эти племена, появившиеся в конце III в. до н. э. в придунайских степях, уже ушли со своей родины. В другом месте «Естественной истории» (IV, 96) Плиний говорит и о скандинавских гиллевионах, которые, по его сведениям, насчитывают до 500 племён.

Тацит в «Германии» тоже даёт трехчленную, несколько иную по форме, но по существу близкую к Плиниевой, классификацию известных ему племён. У океана помещает он ингвеонов, «средними» называет он эрминонов и «остальными» – истевонов. Среди этих «остальных» западных племён Тацит перечисляет батавов, маттиаков, хаттов, танктеров, бруктеров, хамавов, хазуариюв и пр. Эрминонов Тацит считает целиком свевскими племенами; более того, он специально не выделяет северную и восточную группы германцев, ибо и их относит к свевам, но живущим «за горами». На востоке называются лугии, готы, ругии и лемовии, а в Скандинавии – лишь свионы. Различие между двумя схемами племён заключается в том, что у Плиния хатты и херуски относятся к эрминонам, а у Тацита первые оказываются среди истевонов, а вторые среди ингвеонов.

Кроме списка германских племён, приведённого в гл. 46 «Германии», в другом месте (гл. 2) Тацит приводит легенду самих германцев о происхождении трёх основных групп западногерманских племён. Старинные песни германцев (которые, по Тациту, заменяют им предания и летописи) воспевают рождённого землёй бога Туистона и его сына Манна, от имён трёх сыновей которого получили названия ингвеоны, истевоны и эрминоны. Начальный

элемент *ing*– хорошо известен как из античных, так и из более поздних источников – он входил во многие имена германских вождей, а также в обозначение великого скандинавского бога Фрейра (*Yngwi-Freyr* – Ингви = господин). *Ermin* или *irmin* означает «высокий»; этот эпитет применялся к германскому богу войны – *Ermin-Teuz*. Начальный элемент этнонима третьей группы западногерманских племён менее ясен, возможно, он имеет отношение к богу Водану.

Рассматривая приведённую легенду и исходя из описания в других источниках объединений западногерманских племён, большинство исследователей делали вывод, что мы имеем здесь дело с культовыми объединениями, каждое из которых осознавало своё родство с остальными. Нечто похожее Тацит сообщает о свевах (эрминонах) с их обычаем отправления общего культа всеми единокровными племенами в некий установленный срок (гл. 39). В следующей главе он рассказывает о сходном общем культе богини Нертус у приморских племён германцев. Возможно, что приведённый Тацитом этногенетический миф имел древнее общегерманское происхождение, но остаётся фактом, что ко времени этого писателя он служил для обоснования общности именно западногерманских племён, близких во многих отношениях (в частности, и по языку). В настоящий момент трудно сказать, какова была мера обособленности западногерманских племён по отношению к другим германским общностям, вполне возможно, что они достаточно широко контактировали со своими северными соседями по ту сторону пролива.

По сравнению с западными о северных германцах известно меньше. Основным центром поселений германцев в древности был юг Скандинавии, территория современной Дании (полуостров Ютландия, Зеландия). Именно эти территории были известны римлянам под названием *Scadinavia* (позже, у Иордана, в форме *Scandza*). На север Скандинавии германские племена, преимущественно по океанскому побережью, продвигались медленно и небольшими группами. В латенское время полуостров Ютландию, бывшую одним из важнейших центров германской культуры, населяли прекрасно известные римлянам племена кимбров, тевтонов и амвронов, а вместе с ними англы, варны и авионы – именно о них говорит Тацит, описывая культ богини Нертус. На севере и западе Ютландии располагались, кроме того, племена, переселившиеся с запада Скандинавии, – виндилы (вандалы) и харуды – вся эта территория была захвачена данами лишь в V в. н. э.

Об отдалённых скандинавских племенах римляне писали меньше, чем об остальных. Тацит упоминает лишь свионов, а Плиний – гиллевионов. (с их 500 пагов). Птолемей называет к тому же гаутов и леонов. В VI в. Иордан говорит уже о 25 племенах – свеях, данах, теустах, гаутах, ганиях и пр.

Природные условия Скандинавии были сравнительно неудобны для развития хозяйственной деятельности, да и сами местности, пригодные для поселения, были ограничены и разобщены рельефом страны. Начиная с давних пор это имело следствием переселение племён (или частей племён, ибо многие названия в Скандинавии исключительно стабильны и свидетельствуют о сохранении части населения на старом месте) в глубинные континентальные области и в восточные приморские районы.

Вопрос о времени переселения германских племён на восточные территории является спорным. Ряд немецких археологов относят первую волну подобного переселения из Скандинавии и глубинных континентальных районов ко времени до конца VII в. или даже до 1000 г. до н. э. Граница между западными и восточными германцами, по их мнению, должна была проходить в районе устья Одера, а сами восточные германцы распространились на юге до Силезии, а на востоке до Вислы. Новейшие археологические изыскания в польских землях не подтверждают этой гипотезы – здесь с эпохи бронзы до железного века господствовал вариант культуры полей погребальных урн – лужицкая культура, достаточно однородная и, по всей видимости, не испытавшая серьёзных влияний извне. Кроме того, упомянутая теория не объясняет факта исчезновения германских племён на этих территориях к тому моменту (III-II вв.), когда состоялось исторически засвидетельствованное и бесспорное переселение части германских племён в области между Одером и Вислой.

Крупнейшим народом, уже жившим к I в. н. э. по побережью Балтийского моря между этими реками, были готы. История готов известна нам по сочинению Иордана, опиравшегося на несохранившийся труд Кассиодора (начало VI в.). Как передаёт Иордан, сами готы считали, что

прибыли на эту землю с большого острова Скандза (древние авторы также долго считали Скандинавию островом). Их родину Иордан называет «мастерской племён». Вёл готов, приплывших «через океан» на трёх кораблях, их король Бериг. Факт переселения готов из Скандинавии не вызывает сомнений, что подтверждает долго сохранявшееся там племенное название гаутов. Именно с территории, занимаемой в историческое время этим племенем (Южная Швеция), а не с острова Готланд, как полагал Г. Коссинна, шёл поток миграции. На своих новых землях готы сидели недолго: при пятом после Берига короле они покинули их и отправились на юг, где были потом основаны два самостоятельных готских королевства – Остготское и Вестготское.

Появившись на Балтике, готы столкнулись с прибывшими туда ранее другими германскими племенами. Среди них Иордан обращает особое внимание на вандалов, известных античным авторам под названием вандилии (Плиний распространяет это понятие на восточных германцев в целом). Тацит, который говорит об этом племени как об одном из древнейших, известных по имени, тем не менее не упоминает вандалов в соседстве с готами – их место занимают у него лугии. Иногда это племя отождествляют с вандалами, другие учёные приписывают лугиям кельтское происхождение (ср. кельтский бог Луг). В. Жирмунский полагает, что под лугиями надо понимать племенной союз с кельтами во главе, в который входили и вандалы-германцы. В III в. лугии откочевывают к нижнему течению Дуная. Вандалы пришли в район нового поселения со своей родины на северной оконечности полуострова Ютландия и включали в себя различные племенные образования – силингов, хаздингов и пр.

Кроме вандалов, на описываемой территории в это время проживали также гепиды и бургунды. Первые, по наиболее распространённому мнению, представляли собой отколовшуюся часть племени готов. Гепиды дольше готов задержались на побережье Балтики и лишь во второй половине III в. последовали за ними на юг. Несколько странно, что у Иордана не сохранилось памяти о бургундах, которых упоминают Плиний и Птолемей, помещая их между Одером и Эльбой. Точное место их первоначального расселения в Скандинавии остаётся неизвестным, а последующая судьба бургундов ввиду их наиболее западного положения тесно связалась не с восточной, а с западногерманской группой племён. В этой связи надо сказать, что переселение из Скандинавии не шло исключительно в восточном направлении. К вторгшимся во времена Цезаря в Галлию свевам присоединились племена харудов и эдудузиов, жившие изначально в Ютландии. Эти племена, как и лангобарды, полностью ассимилировались с западногерманскими народами, утратив свои языковые особенности. Лангобарды, позже осевшие на нижней Эльбе, поблизости от саксов, также пришли с севера Ютландии, где, по сообщениям ряда источников, активно воевали с вандалами. Таким образом, германские племена, область распространения которых к началу нашей эры была ограничена кельтами на западе и юге, а также балтами на востоке, переживали к этому времени период интенсивной внутриплеменной жизни и миграций.

Какой путь прошли в своём развитии германские племена ко времени Плиния и Тацита, оставивших наиболее подробные описания не только их расселения, но и внутреннего устройства? Выше уже говорилось, что археологически граница расселения германских племён прослеживается, в частности, по крайней линии распространения оппидумов, безусловно принадлежавших племенам кельтским. Одно это говорит об особенностях предшествующего развития на тех и других территориях. С конца галыштатского и до конца латенского времени кельтское общество в своём развитии прошло несколько фаз: выделялись различные прослойки господствующего класса, бурно развивалось ремесло и экономика в целом, подводящая кельтов на обширных пространствах к городскому устройству, широкие миграции способствовали развитию новых общественных институтов. Германские территории развивались иначе. Их жизнь характеризовалась несравненно большей степенью экономической и социальной застойности.

В течение всего латенского времени у германцев господствовала чисто аграрная экономика и социальное расслоение было выражено ещё довольно слабо. Это хорошо видно на материале большинства германских погребений той эпохи. Они довольно регулярно встречаются практически на всей германской территории, исключая как раз север Ютландии, где сделаны лишь случайные находки (в основном votivных предметов на болотах).

Большинство германских погребений латенского времени следуют обряду трупосожжения и нередко объединены в большие могильники, где могут преобладать захоронения, почти не имеющие никакого погребального инвентаря, тогда как другие его имеют, хотя и относительно немного. Некоторые погребения с оружием (весьма просто украшенным) могут указывать на начало выделения из массы свободных слоя военной верхушки. Материальная культура германцев ранней эпохи не отличается особым богатством и разнообразием. Все известные типы фибул, оружия и пр. исполнены технически не особенно совершенно и тесно связаны со своим функциональным назначением. Правда, отдельные находки (к примеру, бронзовые и серебряные котлы из Гундеструпа и Ринкеби) резко выделяются богатством и мастерством исполнения, но в подобных случаях мы имеем дело не с местным производством, а с кельтским импортом. Можно предположить, что он ещё вполне удовлетворял потребностям начинающей выделяться и пока ещё немногочисленной прослойки знати. Германцы не знали ничего подобного дворам кельтских князей гальштаттского и начала латенского времени, предъявлявшим спрос на многочисленные местные и привозные изделия ремесленников.

Конечно, нельзя говорить о полном отсутствии ремесленного производства в германских землях, но продукция ремесла была ещё не слишком разнообразна, а технически и художественно она зависела от кельтского производства. Об этом можно судить как по отдельным находкам (щиты кельтского типа из Хйортспринг), так и по более массовым предметам – фибулам, наконечникам копий. Последние в отличие от кельтских образцов нередко бывали украшены магическими знаками. Достижения художественного ремесла демонстрирует керамика, среди которой встречаются даже образцы с антропоморфным и зооморфным орнаментом (урна из Крагхеде на территории Ютландии). Однако и здесь приходится скорее говорить о заимствовании мотивов во всех случаях, когда они выходят за пределы варьирования геометрического орнамента. Жилища ранних германцев, селившихся, по словам Цезаря, «родами и родственными группами», обследованы ещё далеко не достаточно.

Важной эпохой в жизни германских племён оказались II-I вв., подготовившие те изменения в общественной структуре германцев, свидетелями которых стали античные авторы. В работе «К истории древних германцев» Ф. Энгельс определял социальный строй германских племён около рубежа нашей эры как военную демократию. Опираясь на свидетельства античных авторов, можно восстановить детали её функционирования.

По отношению к германским племенам латинские авторы употребляли слова *populus*, *gens*, *civitas*. Во времена Цезаря и Тацита это были ещё сравнительно небольшие объединения, которые нельзя смешивать с возникшими гораздо позднее значительными союзами племён. Внутри племени были актуальны кровнородственные связи, но родство могло осознаваться и в пределах больших территориальных групп племён, связанных легендами об общем происхождении и совместным культом. Основой племенного строя германцев были общинные отношения, осуществляемые внутри мелких родовых объединений, совместно владевших и обрабатывавших землю. Обычным явлением, по свидетельству как Цезаря, так и Тацита, был периодический передел земли, совершавшийся под контролем старейшин. Между тем Цезарь отмечает, что германцы мало занимаются земледелием и потребляют главным образом молоко, сыр и мясо. Тацит (гл. 15) добавляет к этому, что взрослые и способные носить оружие мужчины вообще не работают на земле, оставляя это занятие женщинам, старикам и болезненным людям. Скотоводство, охота и война были основным занятием мужчин.

В военном деле, по свидетельствам латинских авторов, германцы достигли большого совершенства и отличались храбростью, далеко превосходя в этом смысле галлов. Взрослые мужчины и осуществляли высшую власть в племени, принимая участие в народном собрании – тинге, составлявшемся из представителей родовых объединений. Как сообщает Тацит (гл. 22), существовал и другой орган – совет старейшин, разбиравший относительно мелкие дела. Власть старейшин, которых старались выбирать из одной и той же семьи, постепенно становилась наследственной – это имеет чёткие параллели в племенном устройстве кельтских племён Британских островов.

Рядом со старейшинами издавна существовали военные вожди (лат. *dux*), сначала мало выделявшиеся из массы свободного населения, но постепенно занимавшие среди него всё более заметное место. Их выбирали «по храбрости» в отличие от королей, которые должны были

быть благородного происхождения. Вожди формировали свои дружины, которые в противоположность племенному ополчению стали носить регулярный характер и формироваться не по признаку родовой принадлежности, а на основе добровольной верности предводителю. Такие дружины играли заметную роль при миграциях больших масс населения. Вожди и по крайней мере часть их дружины пополнялись из постепенно выделявшейся прослойки знати. В обществе всё больше развивается неравенство, патриархальное рабство, хотя во времена Тацита оно ещё не играло большой роли в хозяйстве.

Происшедшие в германском обществе сдвиги чётко фиксирует археология. Появление военных вождей крупных образований (таких, как Ариовист, Арминий, Маробод и др.) заметно на материале погребений, в особенности одной серии из них, начало изучения которой было положено в 1908 г. после открытия в Померании, у местечка Любсов, германского захоронения начала эпохи Империи. Покойник был захоронен под большим курганом, имевшим каменное основание, и помещён в выдолбленный ствол дерева. При нём находились разнообразные и дорогие вещи: фибулы из золота римского производства, заколки для волос, германские серебряные изделия, бронзовые сосуды и рога для питья, изукрашенные серебром. И сам способ захоронения, и богатый инвентарь отличали эту могилу от погребений обычного типа, описанных выше. Здесь труп покойника не был сожжён и захоронен в общем могильнике, которые обычно бывали неглубокими. В ближайшие же годы после открытия захоронения были найдены ещё два подобных ему по близости, а в 1925 г. – снова два погребения несколько поодаль, которые все вместе получили название «княжеских захоронений». Кроме предметов, подобных перечисленным, в них были найдены бронзовые и стеклянные сосуды прекрасной римской работы. Любсов – первый известный в Германии центр ремесленного производства при поселении знати, но для императорской эпохи он отнюдь не единственный. Множество княжеских погребений подобного типа обнаружено на всей территории страны, особенно в приморских районах, восточной Ютландии и зеландских землях. Согласно принятой хронологии они прослеживаются от 1-50 гг. до 200–300 гг. Хронологическая канва для первых веков нашей эры была намечена главным образом на основе классификации археологического материала, предпринятой археологом Альмгреном.

Распределение княжеских захоронений раннеимператорского времени довольно точно соответствует информации письменных источников. Так, будучи в разных количествах распространены по всей Германии, они отсутствуют в районах между Рейном и линией Эльба – Зале. Исключением являются два богатых погребения близ Марвельда, на территории, которая должна была принадлежать лангобардам. Наличие королевской власти у лангобардов зафиксировано рядом авторов, тогда как жившие западнее племена хавков, сикамбров, херусков, хаттов и пр. не знали королевской власти, для их социальной организации характерны были более ранние типологические формы. Вообще можно думать, что роль военных вождей возрастала там, где был сильный миграционный импульс, – этим объясняется, по-видимому, концентрация богатых захоронений в Ютландии.

Письменные источники подтверждают и рост к началу I в. н. э. богатства и могущество знати. Весьма красноречиво свидетельство «Анналов» Тацита (II, 62-63), где речь идёт о восстании гота Катувальды против Маробода и его походе на территорию маркоманов. После того как была захвачена королевская резиденция и укрепленное поселение, там были найдены богатства, когда-то награбленные свевами, а также товары римских торговцев, которые, соблазнившись наживой, забыли свою родину и обосновались во вражеской стране. Возможно, что именно подобными торговцами и были привезены прекрасные сосуды из бронзы, которые в изобилии встречаются в германских захоронениях Богемии. Показателен и тот факт, что поселения усилившихся во время походов и завоеваний правителей вскоре становились центром притяжения торговли, в частности с Римом, которая практически отсутствовала в предшествующий период, характеризовавшийся постепенным нарастанием мобильности и силы германских миграций.

На западе и юге эти миграции столкнули германцев с кельтами и римлянами, которые сумели сдержать их на длительное время. Столкновения с кельтами в некоторых районах были ожесточёнными, а в других приводили к союзам и этническому взаимопроникновению.

Первыми крупное нашествие германского племени кимбров отразили около 113 г. до н. э.

бойи – кельтское племя, которое в этой связи в античной традиции упоминается как племя, живущее на территории нынешней Чехии. Затем в союзе с тевтонами и другими племенами кимвры двинулись к западу и, создав реальную угрозу самой Италии, были разгромлены римлянами лишь в 101 г. до н. э.

Показательна история племени свевов и их вождя Ариовиста. В 72 г. до н. э. отряды свевов проникли на территорию Галлии, но здесь они уже выступали в политическом союзе с галльским племенем секванов и другими мелкими племенами, которые хотели освободиться от власти эдуев – крупного племени, находившегося в дружественных отношениях с Римом. В 61 г. эдуи терпят серьёзное поражение, а римляне, занятые подавлением восстания кельтского племени аллоброгов, не могут оказать им помощь. Именно тогда сенат при посредстве Цезаря решает временно примириться с Ариовистом, дав ему титул «Правителя германцев» и объявив его другом римского народа. Между тем Ариовист, чьи военные силы постоянно возрастали за счёт пополнений из-за Рейна, начинает требовать всё большей поддержки от своих союзников – секванов. Как следует из «Записок» Цезаря, сами галлы считали, что если не положить конец вторжению, то скоро все галлы будут изгнаны из своей родины и все их земли отойдут германцам. Из этого вытекает особая значимость Рейна как границы, что впоследствии очень чётко осознал Цезарь.

Имея законные основания для вмешательства – официальную просьбу совета галльских племён и дружественных Риму эдуев, Цезарь требует от Ариовиста прекратить военные действия против эдуев, не вводить новые силы из-за Рейна и вернуть полученных заложников. Ариовист, ссылаясь на своё право победителя и отказываясь признать права третьей силы в своём споре с эдуями, отвергает требования Цезаря и тем самым провоцирует открытое столкновение. С территории племени лингонов, где он тогда находился, Цезарь направляет свои войска к Рейну. В это же самое время основные силы свевов пересекают Рейн и двигаются по направлению к Везонтию (совр. Безансон), главному оппидуму секванов. Однако Цезарю удаётся первому прибыть сюда, и он легко преодолевает сопротивление небольшого свевского гарнизона крепости. Во время стоянки в крепости секванов войска Цезаря едва не поддаются панике, наслушавшись от местных жителей и торговцев рассказов о необычайной смелости и дикости германцев. Цезарь пишет, что многие, дабы избежать столкновения, указывали на незаконный характер войны, которую он ведёт против союзника Рима вопреки воле сената. Цезарю удаётся успокоить войска, напомнив, что именно в его консульство Ариовист стал другом римского народа, и пробудив гордость римлян, некогда победивших кимвров и тевтонов.

Наконец, армии Цезаря и Ариовиста сближаются в районе совр. Бельфора. Между военачальниками происходят переговоры, в ходе которых каждый пытается законно обосновать свои действия. Примирения, как и следовало ожидать, не происходит, и в завязавшейся вскоре битве римские легионы одерживают победу, преследуя затем свевов до самого Рейна.

Несомненно, что Цезарь был первым, кто осознал значение будущей границы империи на Рейне. Однако, прежде чем она окончательно установилась, римляне предпринимали попытки перенести военные действия за Рейн, на территорию свободных германских племён. В 11 г. до н. э. в Германию совершает поход Друз, отец императора Клавдия. Войска Друза смогли продвинуться до Эльбы, и в ознаменование его побед после смерти Друза сенат постановил присвоить ему и его потомкам прозвище Германик. Также в правление Августа удачный поход в германские земли совершил будущий император Тиберий. Одержав за Рейном ряд побед, дойдя до побережья Балтики, Тиберий захватил десятки тысяч пленных и отвёл им земли на левом берегу Рейна. В 4-6 гг. н. э. Тиберий был вновь отправлен в германские земли, где требовалось укрепить границу на Эльбе и усмирить волновавшиеся племена херусков и хавков. Этого, однако, не удалось осуществить, ибо в тылу у римлян, в Паннонии, разгорелось необычайной силы восстание.

Все достигнутые успехи римлян были фактически сведены на нет неудачей, постигшей 2 августа 9 г. войска Квинтиллея Вара. В этот день возвращавшиеся под его командованием в зимние лагеря легионы были разгромлены в Тевтобургском лесу (Вестфалия) вождём херусков Арминием. По словам Светония, это поражение было трагическим: погибли три легиона с легатами и всеми вспомогательными войсками. Этот день Август каждый год «отмечал трауром

и скорбью». Как бы то ни было, поражение Вара положило конец попыткам римлян вести активную политику на территории свободных германских земель и предопределило роль Рейна как границы Римской империи. Походы Тиберия в Германию в 10-11 гг. ничего изменить не могли. Ряд выигранных Германиком в 14-16 гг. сражений между Рейном и Эльбой был явно недостаточен для укрепления границы по этой реке, хотя, по свидетельству «Анналов» Тацита (II, 22), Германия, сын Друза, и объявил свою армию «победительницей всех народов между Рейном и Эльбой».

Спорадические столкновения римлян и германцев продолжались в течение всего I в., к 80-м годам которого окончательно определилась граница между римскими провинциями и свободными германскими землями. Она прошла по Рейну и так называемому лимесу, укрепленной полосе с фортификационными сооружениями и наблюдательными башнями, вдоль которой были расквартированы войска. Длина этой линии, соединявшей Рейн с Дунаем, составляла 555 км. В то же время по левой стороне этой границы были организованы две провинции: Нижняя и Верхняя Германия, на территории которых проживали племена как германского, так и кельтского происхождения. Специфика развития этих провинций заключалась в том, что оно зависело прежде всего от присутствия войск и сельскохозяйственного производства, необходимого для их снабжения. За исключением Колонии Агриппины (совр. Кёльн), когда-то одного из лагерей Друза, города в этих районах развивались медленно.

Часто встречающееся выражение, что Рейн и лимес отделили историю от праистории, неверно в двух смыслах. Во-первых, социально-экономическое развитие на свободных германских территориях шло достаточно быстрыми темпами, во-вторых, связи между римскими провинциями и этими землями не прерывались, а продолжали постоянно развиваться. Несмотря на то, что по обе стороны лимеса в эпоху Империи сложилась и продолжала существовать совершенно противоположная структура общества, между ними не прерывались традиционные торгово-экономические связи и зарождались новые. Последнее связано прежде всего с приближением к варварским землям центров римского провинциального производства, расположенных ранее на значительном удалении. Выше говорилось об укреплении позиций знати в предшествующую эпоху и соответственно увеличении спроса на разнообразные предметы импорта, проникновение которых не могло не стимулировать и местное производство. Определить провинциальные центры ремесла и торговли, откуда поставлялись товары в глубь варварских территорий, значительно проще, чем конкретные пути, по которым они проникали. Устройство регулярной границы и лимеса, без сомнения, изменило сеть торговых путей прошлого, однако не могло не создать новых точек контакта. Их специфика определялась прежде всего тем, что вблизи границы сеть дорог пролагалась главным образом с учётом военных надобностей. О том, какие дороги примыкали к хорошо известной римской сети путей с другой стороны границы, можно только догадываться, однако, как показывает распределение археологических находок внутри свободных от римлян территорий, эти дороги были достаточно постоянными.

Из Колонии Агриппины на рейнской границе и Карнунта на лимесе продукты провинциального производства проникали, с одной стороны, в Тюрингию, в район между Везером и Эльбой и, с другой – в междуречье Одера и Вислы. К Висле, кроме всего прочего, вели пути по Днестру и Бугу. Из устья Одера товары проникали в Зеландию, на север Ютландии и в Скандинавию, куда вели также морские пути, шедшие вдоль побережья. Как установлено, по рекам товары продвигались не только вниз по течению, но и вверх, достигая при этом глубинных территорий. Важным посредническим звеном в торговле была до I в. н. э. Богемия, где скрещивались важнейшие торговые пути.

Известно, что торговля римских провинций и варварских земель была взаимовыгодной и многие племена имели специальную привилегию свободы посреднической торговли. Ею пользовались, например, хермондуры, занимавшие территорию к северу от верхнего течения Дуная до Тюрингии. Они вели торговые операции по обе стороны реки и даже проникали в глубь провинций до тех самых пор, пока Марк Аврелий не стеснил их свободу после вторжения квадов и маркоманов. Ряд германских племён поставлял в провинции продукцию своего хозяйства – фризы и батавы, например, переправляли в прирейнские области скот. В обратном

направлении шли в больших количествах керамика, изделия из металла, предметы роскоши. Некоторые из них попадали во внутренние территории в составе захваченной добычи, хотя в I и во II вв. мирные отношения в приграничных землях были скорее нормой.

Контакты с романизированными территориями играли немалую роль в развитии древнегерманского общества, однако не меньшее значение имел сам факт политической стабилизации окружающих германцев земель, замыкание их в определённых границах. Это способствовало прекращению миграций и ускорило переход к большей оседлости племён, длившийся около двух столетий. В течение этого времени в жизни германского общества происходят важные сдвиги: развиваются земледелие и частная собственность на землю, резко возрастает плотность населения. Конкретные пути складывания крупных племенных союзов практически нам неизвестны, в частности из-за скудости источников, освещающих важный в этом отношении II в. Однако даже чисто теоретически союзы племён могли возникать лишь на основе более мелких родственных образований, связанных легендами об общем происхождении, территориальной близостью, совместными культовыми традициями.

При этом структура каждого подобного союза отличалась своими особенностями. Иногда племенные союзы поглощали не только этнически близкие, но и далёкие племена, которые могли иметь в пределах объединения разную степень самостоятельности. Как сообщают источники, нередко бывало, что внешне поглощённые мелкие объединения управлялись тем не менее собственными вождями и сохраняли сознание своей обособленности. Они обычно теряли древний этноним, и на них распространялось имя всего крупного объединения. Так появлялись новые этнонимы: алеманны («все мужи»), франки («свободные») и т. д. Некоторые крупные и известные племена и после II в. сохраняли свою самостоятельность и название: лангобарды, хатты, фризы, маркоманы. При этом они нередко старались укрепить свои позиции в новых условиях путём включения более мелких родовых групп. Сам по себе факт консолидации племён в крупное объединение не нов для германцев, однако до описываемого времени катализатором подобных объединений были миграции и военные походы. Раньше всего крупные племенные союзы возникли у восточных германцев; разноплеменными были и войска Ариовиста и маркоманского вождя Маробода, захватившего в начале нашей эры земли кельтского племени бойев. Действительно новым теперь было то, что военные союзы племён возникали скорее как результат внутреннего развития общества и явились не следствием, а предпосылкой крупных передвижений народов и военных походов.

Конец относительному спокойствию на западных и южных границах римских провинций был положен маркоманскими войнами (166–180 гг.), в ходе которых Рим пытался устранить постоянную опасность, которая исходила от этого крупного племенного объединения. В начале III в. в движение приходит большая группа племён, называвшая себя новым именем алеманнов. Они появляются между Манном и Неккаром у лимеса и пытаются прорвать эту укреплённую линию, что им и удаётся к середине III в. Прорвав оборону римлян, алеманны укрепляются на «десятинных полях», а к середине IV в. атакуют границу на Рейне и переправляются через эту реку. Продвижение германцев становится необратимым явлением.